

Европейский Суд по правам человека

Первая секция

ДЕЛО «ДОЛГОВА ПРОТИВ РОССИИ»²

CASE OF DOLGOVA v. RUSSIA

(Жалоба № 11886/05)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Страсбург

02 марта 2006 года

Данное постановление станет окончательным при условиях, предусмотренных п. 2 ст. 44 Конвенции. Оно может быть подвергнуто редакционной правке.

В деле «Долгова против России»,

Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой в составе:

Г-н К.Л. РОЗАКИС, *Председателя,*

Г-жа С. БОТУЧАРОВА,

Г-н А. КОВЛЕР

Г-жа Е. ШТАЙНЕР,

Г-н К. ГАЖИЕВ,

Г-н Д. ШПИЛЬМАН,

Г-н С.Е. ДЖЕБЕНС, *судьи,*

и Г-н С. НИЛЬСЕН, *Секретарь Секции Суда,*

заседая 09 февраля 2006 года за закрытыми дверями, вынес в тот же день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 11886/05) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со ст. 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Российской Федерации г-жой Валентиной Андреевной Долговой 23 марта 2005 года.

2. Интересы заявителя, которому была предоставлена юридическая помощь, представляла г-жа С. Добровольская, практикующий юрист из Москвы. Правительство Российской Федерации (далее Правительство) было представлено г-ном П. Лаптевым, Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Жалоба была направлена на рассмотрение Первой Секции Суда (п. 1 Правила 52 Регламента Суда). В рамках этой секции в соответствии с п. 1 Правила 26 Регламента Суда была образована Палата для рассмотрения настоящего дела (п. 1 ст. 27 Конвенции).

¹ Перевод с англ. яз. выполнила аспирант кафедры европейского права и сравнительного правоведения ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права» Липкина Н.Н.

² Оригинал решения см. на официальном сайте Европейского Суда по правам человека: <http://www.echr.coe.int/>

4. 8 июня 2005 года Суд решил коммуницировать жалобу Правительству. В соответствии с положениями п. 3 ст. 29 Конвенции Суд принял решение рассмотреть жалобу по существу одновременно с рассмотрением ее на предмет приемлемости. Председатель принял решение о разбирательстве жалобы в приоритетном порядке (Правило 41 Регламента Суда).

5. Правительство заявило возражение на решение Суда о рассмотрении жалобы по существу одновременно с рассмотрением ее на предмет приемлемости. Рассмотрев возражение Правительства, Суд отклонил его.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявитель родилась в 1986 году и проживает в г. Москва.

A. Обстоятельства, повлекшие арест заявителя и уголовное преследование в отношении нее

1. Уголовное дело.

7. Заявитель являлась членом Национал Большевистской партии.

8. В 12 часов 30 минут 14 декабря 2004 года сорок членов партии осуществили незаконное вторжение в приемную Администрации Президента Российской Федерации (далее – Администрация Президента). Несколько человек у входа оттеснили охранников и заняли комнату № 14 на первом этаже. Они заперли дверь изнутри, пододвинули к двери тяжелый сейф и через окно впустили оставшихся членов партии.

9. До прибытия сотрудников милиции члены партии, включая заявителя, размахивали из окна Администрации Президента плакатами, разбрасывали листовки и выкрикивали призывы к отставке Президента. Они оставались в помещении администрации приблизительно в течение одного часа.

2. Версия заявителя.

10. 14 декабря 2004 года заявитель со своими друзьями гуляла в центре города. Неожиданно она оказалась среди плотной толпы людей и подумала, что лучше будет двигаться в том же направлении, что и окружавшие ее люди. Толпа внесла ее в какое-то здание, которое, как оказалось, было приемной Администрации Президента. Она почувствовала себя плохо и села на пол. Окружающие ее люди кричали, скандировали что-то, но она не могла понять, что происходит. Затем приехала милиция и все присутствующие были арестованы.

3. Сообщения средств массовой информации.

11. Средства массовой информации сообщили, что 14 декабря 2004 года группа из приблизительно сорока членов Национал Большевистской партии заперлась в офисе, находящемся на первом этаже Администрации Президента.

12. Они просили встречи с Президентом, с заместителем Главы Администрации Президента г-ном Сурковым и Советником Президента по экономическим вопросам г-ном Илларионовым. Они размахивали из окна плакатами с надписью «Путин, уйди!» и

распространяли листовки с напечатанным на них обращением к Президенту, в котором перечислялись десять фактов несоблюдения Президентом Конституции РФ, и содержалось требование о его отставке.

13. Нарушители находились в здании в течение полутора часов, до тех пор, пока милиция не взломала дверь. Сопротивления милиции они не оказали.

В. Расследование предъявленных обвинений.

14. 15 декабря 2004 года Хамовнический районный суд г. Москвы вынес постановление о заключении заявителя под стражу, на том основании, что она подозревалась в совершении особо тяжкого преступления. Заявитель не обжаловала решение суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

15. 21 декабря 2004 года следователь по особо важным делам прокуратуры Центрального Административного района г. Москвы предъявил заявителю обвинения в совершении насильственного захвата власти или насильственного удержания власти (ст.278 Уголовного кодекса) и умышленного уничтожения или повреждения имущества, а также в вандализме (ч. 2 ст. 167 и ст. 214).

16. В период с 24 декабря 2004 года по 04 февраля 2005 года заявитель не участвовала в каких-либо следственных действиях.

17. 04 февраля 2005 года Замоскворецкий районный суд г. Москвы продлил срок содержания под стражей заявителя до 14 апреля 2005 года. В мотивировочной части своего решения суд указал следующее:

«Суд не нашел оснований для применения более мягкой меры пресечения (в отношении заявителя). Она обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ст. 278 Уголовного кодекса, которое относится к особо тяжким преступлениям и требует тщательного, всестороннего и объективного расследования.

Несмотря на тот факт, что заявитель постоянно проживает в Москве, не имела судимости, являлась студенткой, имеет положительные характеристики с места работы и имеет проблемы со здоровьем, суд, принимая во внимание характер и фактические обстоятельства преступлений, вменяемых (заявителю) в вину, а также тяжесть предъявленных обвинений, ее характер (заявителя), и другие обстоятельства, указанные в ходатайстве следователя, считает, что существуют достаточные обстоятельства полагать, что в случае освобождения (заявителя), она попытается скрыться от следствия и суда или иным образом воспрепятствовать осуществлению правосудия».

18. 03 марта Московский городской суд, по жалобе заявителя, оставил без изменения решение суда от 04 февраля 2005 года о продлении срока содержания под стражей заявителя, указав, что данное решение является законным, «разумным и обоснованным».

19. 21 февраля 2005 года содеянное заявителем было переквалифицировано как участие в массовых беспорядках, то есть как совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 212 Уголовного кодекса.

20. 11 апреля 2005 года Замоскворецкий районный суд удовлетворил ходатайство прокурора о дальнейшем продлении срока содержания заявителя под стражей до 14 августа 2005 года, по следующим основаниям:

В настоящее время отсутствуют основания для изменения меры пресечения в отношении обвиняемой (заявителя) ... Несмотря на то, что заявитель постоянно проживает в Москве, принимая во внимание тяжесть предъявленных обвинений, тот факт, что указанные обвинения являются вполне обоснованными, а также обстоятельства совершенного преступления, нет гарантий того, что обвиняемая

(заявитель) не попытается скрыться от следствия и суда в случае ее освобождения из-под стражи».

С. Судебное разбирательство.

21. 07 июня 2005 года расследование уголовного дела было завершено, и 39 обвиняемых предстали перед Тверским районным судом г. Москвы.

22. 20 июня 2005 года суд назначил предварительное слушание на 30 июня 2005 года. Он продлил срок содержания всех обвиняемых под стражей, указав, что «основания, по которым данная мера пресечения была избрана в отношении обвиняемых по делу, все еще существуют», и что «материалы дела дают достаточные основания полагать, что в случае освобождения, обвиняемые могут попытаться скрыться от следствия и суда или воспрепятствовать осуществлению правосудия».

23. 30 июня 2005 года суд назначил первое судебное заседание по делу на 8 июля 2005 года. Суд отклонил жалобу обвиняемых на решение о продлении срока содержания под стражей, ссылаясь на тяжесть предъявленных обвинений и вероятность того, что обвиняемые попытаются скрыться или воспрепятствовать осуществлению правосудия.

24. 10 августа 2005 года Тверской районный суд отклонил жалобы многих обвиняемых по уголовному делу, включая заявителя, на решение о продлении срока содержания под стражей, несмотря на то, что за заявителя лично поручился г-н М. Ротмистров, депутат нижней палаты российского Парламента. Суд постановил:

«Суд принял во внимание довод стороны защиты (заявителя) о том, что при решении вопроса об избрании меры пресечения необходимо использовать индивидуальный подход к ситуации каждого конкретного обвиняемого по уголовному делу.

Исследуя основания, по которым ... суд принял решение об избрании и продлении меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении всех обвиняемых без исключения ... суд отметил, что данные основания существуют и в настоящее время. Таким образом, приняв во внимание состояние здоровья, семейное положение, возраст, профессию, личные характеристики всех обвиняемых по делу, а также все личные поручительства, данные частными лицами и находящиеся в материалах уголовного дела, суд пришел к выводу, что в случае освобождения, каждый из обвиняемых может попытаться скрыться или иным образом воспрепятствовать осуществлению правосудия ...

По мнению суда, в данном случае, особенно при учете тяжести предъявленных обвинений, нет оснований для изменения или отмены меры пресечения в отношении кого-либо из обвиняемых ...»

25. 08 декабря 2005 года Тверской районный суд признал заявителя и других обвиняемых по уголовному делу виновными в совершении вменяемых им в вину преступлений и приговорил заявителя к трем годам лишения свободы условно. Заявитель приговор не обжаловала.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО.

26. С 1 июля 2002 года порядок расследования и судебного разбирательства уголовных дел регулируется Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (Федеральный закон № 174-ФЗ от 18 декабря 2001 года, далее - Кодекс).

27. К мерам пресечения относятся подписка о невыезде, личное поручительство, залог и заключение под стражу (ст. 98). При необходимости у обвиняемого (подозреваемого) может быть взято обязательство о явке (ст. 112).

28. Решая вопрос об избрании меры пресечения, компетентные органы должны решить вопрос о том, имеются ли «достаточные основания полагать», что обвиняемый скроется от следствия или суда, продолжит преступную деятельность или воспрепятствует осуществлению правосудия (ст. 97). Должны учитываться также тяжесть совершенного преступления, сведения о личности обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение и другие обстоятельства (ст. 99).

29. Заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении обвиняемого в совершении преступления, за которое уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения (ч. 1 ст. 108).

30. После задержания подозреваемый заключается под стражу на время проведения предварительного расследования. Срок содержания под стражей при расследовании преступлений - два месяца, но он может быть продлен до восемнадцати месяцев в исключительных случаях (п.п. 1-3 ст. 109). Срок содержания под стражей в период предварительного расследования исчисляется до дня направления прокурором дела в суд (п. 9 ст. 109).

31. Со дня направления уголовного дела в суд, суд решает вопрос о назначении подсудимому меры пресечения в виде заключения под стражей. Срок содержания подсудимого под стражей на время рассмотрения дела судом исчисляется до дня вынесения решения по делу. Если заключение под стражу избрано подсудимому в качестве меры пресечения, то срок содержания его под стражей со дня поступления уголовного дела в суд и до вынесения приговора не может превышать 6 месяцев, за исключением случаев рассмотрения дел о тяжких и особо тяжких преступлениях, когда продление срока содержания под стражей допускается по решению суда и каждый раз не более чем на 3 месяца (ч.ч. 2, 3 ст. 255).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТ. 5 КОНВЕНЦИИ

32. Заявитель жаловалась на то, что, в нарушение п. 1 (с) ст. 5 Конвенции, ее заключение под стражу не базировалось на обоснованном подозрении в совершении преступления.

Опираясь на п. 3 ст. 5 Конвенции, заявитель утверждала, что было нарушено ее право на судебное разбирательство в течение разумного срока и указывала, что решения о ее заключении под стражу не были достаточно обоснованными.

Эта статья, в части, относящейся к данному делу, гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «с» п. 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному

должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд».

А. Приемлемость.

33. В отношении жалобы заявителя на необоснованность ее задержания, Суд указал, что она не обжаловала решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (см. п. 14 выше).

Из этого следует, что жалоба должна быть отклонена на основании п.п. 1, 4 ст. 35 Конвенции ввиду неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

34. В отношении жалобы заявителя на нарушение ее права на судебное разбирательство в течение разумного срока или освобождение до суда, Суд считает, что жалоба не является явно необоснованной по смыслу п. 3 ст. 35 Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой также по всем другим основаниям. Таким образом, жалоба признается приемлемой.

В. Вопросы по существу жалобы.

1. Аргументы сторон

35. Правительство указало, что решения о заключении заявителя под стражу были законными и обоснованными, поскольку существовала опасность того, что заявитель попытается скрыться, воспрепятствует осуществлению правосудия и вновь совершит преступление, а также потому, что она давала противоречивые показания о ее членстве в Национал-Большевистской партии и о причинах ее нахождения в приемной Администрации Президента. Заявителю были предъявлены обвинения в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, а потому, оставаясь на свободе, она могла продолжить преступную деятельность. Предъявленные ей обвинения требовали тщательного, всестороннего и объективного расследования. Однако если бы заявитель была освобождена из-под стражи, она могла бы оказывать давление на свидетелей, консультироваться с другими обвиняемыми по делу относительно приемлемой для них линии построения защиты, таким образом, препятствуя установлению истины по делу. Кроме того, существовали достаточные основания полагать, что заявитель являлась членом партии, о прекращении деятельности которой, ввиду осуществления членами данной партии экстремистской деятельности, Московский областной суд вынес решение 29 июня 2005 года. В процессе расследования по уголовному делу члены НБП, личности которых точно не установлены, угрожали по телефону физической расправой следователю и судье, принявшему решение о применении к обвиняемым по делу меры пресечения в виде заключения под стражу. Данные телефонные звонки поступали с территории Польши. Существовали достаточные основания полагать, что заявитель может скрыться от следствия и суда, поскольку она имела близких родственников за рубежом, а также потому, что ее мать являлась гражданкой иностранного государства. Адвокат заявителя не представил никаких гарантий того, что заявитель будет являться к следователю и в суд. Правительство считает, что в данном случае не было нарушения п. 3 ст. 5 Конвенции, поскольку имелись «обоснованные и достаточные» причины для избрания в ходе досудебного производства по делу в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу.

36. Заявитель, прежде всего, отметила, что заявления Правительства основаны на ложных фактах. Она никогда не являлась членом Национал-Большевистской партии, и доказательство, используемое Правительством, не содержится в материалах по делу.

Кроме того, решение областного суда, запрещающее деятельность партии, было отменено решением Верховного Суда от 16 августа 2005 года. Мать заявителя являлась гражданкой России и имела место жительства в г. Москве; ксерокопия ее паспорта и штампа о регистрации были предоставлены. Телефонные звонки с угрозами совершались в «интересах» других обвиняемых по уголовному делу и не имели к заявителю никакого отношения. И, наконец, оспаривая ничем не подтвержденное заявление Правительства, она указала, что ее адвокат сообщал рассматривавшему дело суду, что за заявителя лично поручился член Федерального Собрания.

37. В отношении соблюдения п. 3 ст. 5 Конвенции заявитель считает, что внутригосударственный суд не имел «обоснованных и достаточных» причин для содержания ее под стражей в течение такого длительного периода времени. Заключение под стражу является самой строгой мерой пресечения, которая не должна была применяться в ее случае, поскольку она постоянно проживала в г. Москве, имела положительные характеристики с места работы, не имела судимости, являлась студенткой, и член Федерального Собрания лично поручился, что заявитель не скроется от следствия и суда. Внутригосударственному суду были известны все указанные обстоятельства, и общественные интересы не требовали дальнейшего содержания заявителя под стражей. Она не могла повлиять на ход разбирательства дела, поскольку к тому моменту все доказательства по делу были собраны и представлены в суд.

2. Оценка Суда

38. Заявитель была заключена под стражу 14 декабря 2004 года. 8 декабря 2005 года суд, рассматривавший дело, признал ее виновной в совершении преступления. Рассматриваемый период длился около 12 месяцев.

39. Несмотря на то, что заявитель отрицала свое участие в совершении какого-либо преступления, Суд принял во внимание, что она была задержана в месте предположительного совершения оспариваемых преступлений. Кроме того, Суд отметил, что, таким образом, первоначальное задержание заявителя было оправдано обоснованным подозрением о ее причастности к совершению преступлений.

40. Существование достаточного основания подозревать арестованное лицо в совершении преступления является *sine qua non* (обязательным – прим. перев.) условием правомерности последующего содержания лица под стражей, но по истечении определенного периода времени, одно это основание более не является достаточным. В таких случаях Суд должен установить, имелись ли другие причины, позволяющие суду продлить, в соответствии с законом, срок содержания под стражей. В том случае, если причины являются «обоснованными» и «достаточными», суд должен также убедиться, надлежащим ли образом внутригосударственный суд соблюдал процедуру принятия данного решения (см.: «*Лабита против Италии*» («*Labita v. Italy*»)) [GB], № 26772/95, §§ 152 и 153, ECHR 2000-IV).

41. Что касается оснований продления срока содержания под стражей, внутригосударственные суды последовательно опираются на тяжесть совершенного преступления, как на главный критерий оценки вероятности того, что заявитель скроется от следствия и суда или воспрепятствует осуществлению правосудия. Однако Суд в очередной раз подчёркивает, что, несмотря на то, что суровость грозящего приговора является важным критерием оценки вероятности того, что заявитель скроется от следствия и вновь совершит преступление, решение вопроса о необходимости продления срока содержания под стражей не может основываться только на абстрактном критерии, то есть на оценке тяжести совершенного преступления. Продление срока содержания под стражей не может использоваться как наказание в виде лишения свободы, предвосхищающее приговор суда. (см.: Постановление по делу «*Летейер против Франции*» (*Letellier v. France*), от 26 июня 1991 года, Series A no. 207, § 51; см. также (*Panchenko v. Russia*), № 45100/98, § 102, от 8 февраля 2005 года; «*Горал против Польши*»

(*Goral v. Poland*) № 38654/97, § 68, от 30 октября 2003 года; «Илижков против Болгарии» (*Ilijkov v. Bulgaria*), по. 33977/96, § 81, от 26 июля 2001 года).

42. Отличительная особенность дел, подобных данному, состоит в том, что правовая оценка фактов, а, следовательно, и приговора, грозящего заявителю, проводится стороной обвинения без судебного рассмотрения вопроса, подтверждают ли доказательства, собранные по делу, наличие достаточного основания обвинять заявителя в совершении предполагаемого преступления, влекущего назначение наказания в виде лишения свободы на соответствующий срок. (см. «Рохлина против России» (*Rokhlina v. Russia*), № 54071/00, § 66, от 7 апреля 2005 года). В действительности первоначально обвинения в совершении такого преступления, как насильственный захват власти или насильственное удержание власти, которое по внутригосударственной классификации относится к особо тяжким преступлениям, были приняты во внимание районным судом 4 февраля 2005 г. без какой-либо проверки, хотя позднее совершенное деяние было переквалифицировано как менее тяжкое преступление – участие в массовых беспорядках. Тем не менее, 11 апреля 2005 года тот же суд принял решение о продлении срока содержания под стражей, поскольку новые обвинения были признаны им также «вполне обоснованными», хотя никаких мотивировок признания им обоснованности предъявленных вновь обвинений суд не указал.

43. Суд указал, что единственным основанием продления срока содержания под стражей заявителя явилось то обстоятельство, что внутригосударственный суд не нашел никаких причин для освобождения заявителя из-под стражи. В своих жалобах в суд об отмене избранной меры пресечения, тем не менее, заявитель и ее адвокат приводили доводы, ставящие под сомнение законность и обоснованность содержания под стражей. Они указывали, что заявитель не была ранее судима, что опасности, что она скроется от следствия и суда, нет, поскольку она постоянно проживает в Москве, обучается в университете, имеет положительные характеристики с места работы и имеет проблемы со здоровьем. Несмотря на то, что указанные обстоятельства были отражены в текстах решений внутригосударственных судов, и их достоверность никем не оспаривалась, внутригосударственные суды расценили их как не относящиеся к делу, и, по-прежнему, суды считали, что тяжесть предъявленного обвинения имеет большее значение, чем конкретные факты, свидетельствующие о необходимости освобождения заявителя (см.: пар. 17, пар. 20 и пар. 24 выше). Таким образом, в решении от 11 апреля 2005 года районный суд четко указал, что заявитель не представила доказательств того, что она не скроется от следствия и суда (см. пар. 20 выше).

44. Суд вновь подчеркнул, что последующее содержание под стражей может быть оправдано в рассматриваемом деле только в том случае, если того требуют истинные интересы общества, которые перевешивают право на личную свободу, несмотря на презумпцию невиновности. Любая система принудительного содержания под стражей является *per se* (как таковая – прим. перев.) несовместимой с п. 3 ст. 5 Конвенции (см.: «Рохлина» (*Rokhlina*), упоминавшееся выше, § 67; «Илижков» (*Ilijkov*), упоминавшееся выше, §§ 84-85).

45. Таким образом, на соответствующие государственные органы возложена обязанность установить и убедительно доказать существование конкретных фактов, являющихся основанием для продления срока содержания под стражей. Переложение бремени доказывания на обвиняемое лицо в таких случаях равноценно нарушению норм ст. 5 Конвенции, которые рассматривают заключение под стражу в качестве исключительного случая ограничения права на свободу, который является допустимым только в четко установленных и строго определенных случаях.

46. Никакие другие обстоятельства не могут оправдать решение государственных властей о продлении срока содержания под стражей. Правительство указало, что заявитель должна была оставаться под стражей потому, что она являлась членом запрещенной политической партии, члены которой угрожали следователю и судье, а также потому, что она могла изменить свои показания или повлиять на позицию в деле других обвиняемых, а также потому, что ее мать являлась гражданкой иностранного

государства. Письменные доказательства, представленные заявителем, такие как ксерокопия российского паспорта ее матери и решения Верховного Суда по поводу запрещения деятельности Национал-Большевистской партии, вызывают сомнения в отношении подлинности заявлений Правительства. В любом случае, Суд не может подменить собой национальные органы, которые приняли решение о заключении заявителя под стражу, сделав свой анализ обстоятельств «за» и «против» применения данной меры (см.: «Николов против Болгарии» (*Nikolov v. Bulgaria*), № 38884/97, § 74, от 30 января 2003 года; «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*), упоминавшееся выше, § 152). Эти особые, ничем не подтвержденные, заявления, были сделаны впервые в ходе разбирательства дела Судом, и внутригосударственные суды в своих решениях никогда не ссылались на данные обстоятельства.

47. Суд далее подчеркнул, что при решении вопроса о продлении срока содержания под стражей государственные органы согласно п. 3 ст. 5 Конвенции обязаны рассмотреть вопрос о возможности применения альтернативных мер пресечения, которые смогут гарантировать явку обвиняемого в суд. Это положение Конвенции не только провозглашает право обвиняемого на «судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда», но также устанавливает, что «освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд» (см.: «Сулаоя против Эстонии» (*Sulaoja v. Estonia*), № 55939/00, § 64 in fine, от 15 февраля 2005 года; «Яблонский против Польши» (*Jabłoński v. Poland*), № 33492/96, § 83, от 21 декабря 2000 года).

48. В настоящем деле в течение рассматриваемого периода содержания заявителя под стражей государственные органы не рассматривали возможность обеспечения явки заявителя с помощью других мер принуждения, – таких как залог или обязательства о явке – которые специально предусмотрены российским правом в целях обеспечения надлежащего осуществления уголовного процесса (см.: пар. 27 выше). В частности, 10 августа 2005 года суд отклонил жалобу обвиняемого об отмене меры пресечения, несмотря на то, что за нее лично поручилось не частное лицо, а член российского Парламента. Кроме того, ни в одном из судебных заседаний внутригосударственные суды не объяснили в своих решениях, почему альтернативные заключению под стражу меры пресечения не могли бы гарантировать, что расследование, а также рассмотрение дела судом пройдет надлежащим образом. Это обстоятельство, тем более необъяснимо в свете того, что новый Уголовно-процессуальный кодекс содержит специальное требование для внутригосударственных судов рассматривать возможность применения более мягкой меры пресечения, чем заключение под стражу (см.: пар. 29 выше).

49. Кроме того, Суд пришел к выводу, что в судебных решениях о продлении срока содержания под стражей заявителя не уделялось должного внимания личным характеристикам заявителя. 20 и 30 июня и 10 августа 2005 года суд использовал ту же краткую формулировку при отклонении жалобы заявителя об отмене меры пресечения, что и при принятии решения о продлении срока содержания под стражей всем 39 обвиняемым по делу, несмотря на четко выраженную просьбу стороны защиты учесть индивидуальные особенности положения заявителя. По мнению Суда, такой подход сам по себе является не совместимым с гарантиями, закрепленными в п. 3 ст. 5 Конвенции, поскольку он позволяет продлить срок содержания под стражей сразу в отношении группы обвиняемых, без оценки оснований законности и обоснованности дальнейшего содержания под стражей, или соблюдения требований разумного срока в отношении каждого обвиняемого.

50. На основании вышеизложенного Суд пришел к выводу, что без обращения к конкретным фактам или без рассмотрения возможности применения альтернативных мер пресечения и, основываясь лишь на тяжести предъявленных обвинений, государственные власти продлили срок содержания под стражей заявителя на основаниях, которые не являются «обоснованными и достаточными». Таким образом, государственные власти необоснованно приняли решение о продлении срока содержания под стражей заявителя. В данном случае нет необходимости исследовать вопрос о том, была ли надлежащим образом соблюдена процедура принятия решений.

Таким образом, в данном случае было допущено нарушение п. 3 ст. 5 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТ. 10 КОНВЕНЦИИ

51. Заявитель жаловалась на нарушение ст. 10 Конвенции, поскольку принятие решения о возбуждении уголовного дела в отношении нее было связано с ее участием в митинге, на котором распространялись листовки.

52. Суд указал, что заявитель не обжаловала вынесенный в ее отношении приговор. Таким образом, в данной части жалоба должна быть отклонена на основании п.п. 1, 4 ст. 35 Конвенции ввиду того, что заявителем не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

53. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Материальный ущерб

54. Заявитель оценила причиненный ей имущественный ущерб в 37 тысяч 693 рубля, включающих неполученные за период содержания под стражей доходы, а также стоимость переданных в место содержания заявителя под стражей посылок с продуктами питания.

55. Правительство отметило, что решение о предъявлении обвинений заявителю, в рамках настоящего дела, не было предметом рассмотрения в Суде. Таким образом, не существует связи между понесенными заявителем расходами на питание, а также неполучением доходов, и предполагаемым нарушением Конвенции.

56. Суд пришел к выводу, что отсутствует причинная связь между установленным нарушением Конвенции и заявленным имущественным ущербом. Таким образом, Суд не нашел оснований для присуждения какой-либо денежной суммы в счет возмещения имущественного ущерба.

B. Моральный вред

57. Заявитель требует взыскать сумму в размере 500 000 евро в счёт компенсации морального вреда.

58. Правительство указало, что заявленная сумма является чрезмерно высокой, и заявило, что отсутствует причинная связь между предполагаемым нарушением Конвенции и заявленным размером морального вреда. В любом случае, сам факт установления нарушения Конвенции является достаточной и справедливой компенсацией.

59. Суд считает, что заявитель испытывала чувство разочарования, беспомощности и несправедливости в связи с тем, что в отношении нее государственные органы приняли необоснованное решение о заключении под стражу. Суд считает, что заявителю был причинен моральный вред, который не может быть адекватно возмещен одним фактом признания нарушения Конвенции. Руководствуясь принципом справедливости, Суд, принимая во внимание возраст заявителя, присудил ей 5 000 евро, плюс любой налог, начисляемый на эту сумму.

С. Издержки и расходы

60. Заявитель потребовала выплаты 7 000 рублей, в качестве компенсации расходов на оказание юридической помощи в ходе разбирательств по уголовному делу на внутригосударственном уровне, а также 2 600 рублей в качестве возмещения затрат на оказание юридической помощи по составлению жалобы в Суд. Она также требовала возместить 25 000 евро в качестве будущих расходов на разбирательство дела в Суде.

61. Правительство ответило, что только фактически понесенные, а не предполагаемые расходы могут быть возмещены.

62. Суд отметил, что заявителю возместили 715 евро, в качестве оплаты услуг ее представителя г-жи Добровольской. Поскольку заявитель не предоставила доказательств того, что она реально понесла какие-либо расходы сверх этой суммы, Суд принял решение не присуждать ей выплат по компенсации издержек и расходов.

Д. Пени

63. Суд считает целесообразным, чтобы пени рассчитывались по курсу, равному предельной кредитной ставке Европейского Центрального Банка, плюс три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Признал* единогласно жалобу, в части, касающейся чрезмерно длительного срока содержания под стражей, приемлемой, а оставшуюся часть жалобы неприемлемой.

2. *Постановил*, шестью голосами против одного, что имело место нарушение п. 3 ст. 5 Конвенции;

3. *Постановил*, шестью голосами против одного:

(а) что государство-ответчик, в течение трёх месяцев с даты, начиная с которой решение становится окончательным согласно п. 2 ст. 44 Конвенции, должно выплатить заявителю 5 000 евро (пять тысяч евро) в пересчете на рубли Российской Федерации по курсу, установленному на день выплаты, а также любые налоги и сборы, которые могут быть начислены на эту сумму;

(б) что по окончании вышеуказанного трёхмесячного срока вплоть до урегулирования на указанные суммы подлежат начислению проценты по курсу, равному предельной кредитной ставке Европейского Центрального Банка, с добавлением трёх процентов;

5. *Отклонил* единогласно остальные требования заявителя о справедливом возмещении.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 02 марта 2006 года, согласно п.п. 2, 3 Правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен

Секретарь Секции Суда

Кристос Розакис

Председатель Палаты

В соответствии с п. 2 ст. 44 Конвенции и п. 2 Правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагается отдельное совпадающее мнение судьи Ковлера.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КОВЛЕРА.

К сожалению, я не могу согласиться с решением большинства о признании нарушения п. 3 ст. 5 Конвенции. Меня волнует не сам факт принятия такого решения Палатой, но процедура его принятия.

У меня остались сомнения по вопросу о приемлемости жалобы. Действительно критерий приемлемости жалобы, установленный в п. 1 ст. 35 Конвенции соблюден. В равной мере, жалоба касалась принятия на стадии досудебного производства решения о заключении заявителя под стражу, то есть того вопроса, который Суд исследовал даже более подробно во многих предыдущих российских делах (см., например, «Калашников против России» (*Kalashnikov v. Russia*), № 47095/99, ECHR 2002 VI; «Смирнова против России» (*Smirnova v. Russia*), №№ 46133/99 и 48183/99, ECHR 2003 IX (извлечения); «Панченко против России» (*Panchenko v. Russia*), № 45100/98, от 8 февраля 2005 года; «Рохлина против России» (*Rokhlina v. Russia*), № 54071/00, от 7 апреля 2005 года; «Романов против России» (*Romanov v. Russia*), № 63993/00, от 20 октября 2005 года; и «Худояров против России» (*Khudoyorov v. Russia*), № 6847/02, ECHR 2005... (извлечения)).

При анализе национального законодательства в данном решении, в отличие от, например, вышеупомянутого решения по делу Калашникова, четко проведено различие в российском уголовном процессе заключения под стражу в период производства предварительного расследования по делу и содержания под стражей после завершения предварительного расследования. Это различие является решающим при решении вопроса о том, был ли срок содержания под стражей на стадиях досудебного производства обоснованным.

Некоторые из первоначально предъявленных обвинений в отношении заявителя (см. пар. 15) были, мягко говоря, сомнительными (например, насильственный захват власти или насильственное удержание власти по ст. 278 Уголовного кодекса РФ). Тем не менее, большинство обвинений – умышленное уничтожение собственности и вандализм, позднее переквалифицированное на «массовые беспорядки» – и степень тяжести предъявленных обвинений оправдывали ее содержание под стражей. Нельзя забывать, что Страсбургский Суд не может отменять решение национальных властей о заключении лица под стражу. Единственное, что может сделать Страсбургский Суд, это оценить, была ли обоснованной продолжительность срока содержания под стражей.

Заявитель находилась под стражей в период производства предварительного расследования с 14 декабря 2004 года по 07 июня 2005 года, то есть пять месяцев и 22 дня, в то время как в отношении подобной категории уголовных дел ч. 2 ст. 109 Уголовно-процессуального кодекса предусматривает срок содержания под стражей от 2 до 6 месяцев. Заявитель содержалась под стражей до суда с 7 июня до 8 декабря 2005 года, то есть 6 месяцев и 1 день, в то время как ч. 2 ст. 255 Уголовно-процессуального кодекса устанавливает основной срок в шесть месяцев.

В своем решении Суд не в достаточной степени проанализировал «обоснованность» такой продолжительности срока содержания под стражей в свете обстоятельств данного конкретного дела. Суд исчерпывающе проанализировал наработанную им практику, но не применил ее в рассматриваемом деле. Вопрос о разумности срока содержания под стражей не может рассматриваться абстрактно. Разумно ли оставить обвиняемого под стражей, зависит в каждом конкретном случае от особых обстоятельств дела (см. «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*) [GC], № 26772/95, § 152, ECHR 2000 IV).

Рассмотрев вопрос о разумности срока содержания под стражей, Суд немедленно обратился к исследованию вопроса о необходимости отмены или изменения меры пресечения. Кроме того, данное дело было рассмотрено достаточно быстро, и Суд очень быстро вынес данное Постановление. Такая спешка неблагоприятно отразилась на сделанных Судом выводах, что заставило меня не поддержать большинство, несмотря на то, что я также усматривал признаки нарушения п. 3 ст. 5 Конвенции. В такого рода делах нельзя использовать опрометчивый, «большевистский» подход – игра слов – а принцип *festina lente* «поспешай медленно».

Я должен отметить еще одно обстоятельство. Обычно Суд старается не ссылаться на факты, которые не были представлены сторонами. В настоящем Постановлении Суд нарушил эту традицию, он ссылаясь – хотя и избирательно – на определенные неофициальные сообщения средств массовой информации. Однако то, что Суд хотел дать оценку фактам, отличную от оценок сторон, можно принять.

И, наконец, сумма присужденного заявителю морального вреда является чрезмерно высокой. Такая же сумма была присуждена заявителю в деле Калашников против России, несмотря на то, что нарушения в деле Калашникова были более многочисленными и серьезными. Даже возраст заявителя не является оправданием для принятия подобного решения.